

Василий Жуковский

Наль и Дамаянти

Василий Жуковский

Наль и Дамаянти

«Public Domain»

Жуковский В. А.

Наль и Дамаянти / В. А. Жуковский — «Public Domain»,

Содержание

Индийская повесть [1]	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
1	8
2	10
3	12
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
1	14
2	16
3	19
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	20
1	20
2	21
3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Василий Андреевич Жуковский

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ

Индийская повесть ¹

В те дни, когда мы верим нашим снам
И видим в их несбыточности быть,
Я видел сон: казалось, будто я
Цветущею долиной Кашемира
Иду один; со всех сторон вздымались
Громады гор, и в глубине долины,
Как в изумрудном, до краев лазурью
Наполненном сосуде, – небеса
Вечерние спокойно отражая, —
Сияло озеро; по склону гор
От запада сходила на долину
Дорога, шла к востоку и вдали
Терялася, сливаясь с горизонтом.
Был вечер тих; все вокруг меня молчало;
Лишь изредка над головой моей,
Сияя, голубь пролетал, и пели
Его волнующие воздух крылья.
Вдруг вдалеке послышались мне клики;
И вижу я: от запада идет
Блестящий ход; змеею бесконечной
В долину вьется он; и вдруг я слышу:
Играют марш торжественный; и сладкой
Моя душа наполнилась грустью.
Пока задумчиво я слушал, мимо
Прошел весь ход, и я лишь мог приметить
Там, в высоте, над радостно шумящим
Народом, паланкин; как привиденье,
Он мне блеснул в глаза; и в паланкине
Увидел я царевну молодую,
Невесту севера; и на меня
Она глаза склонила мимоходом:

¹ Наль и Дамаянти есть эпизод огромной Индийской поэмы Магабараты. Этот отрывок, сам по себе составляющий полное целое, два раза переведен на немецкий язык; один перевод, Боппов, ближе к оригиналу; другой, Рюккертов, имеет более поэтического достоинства. Я держался последнего. Не зная подлинника, я не мог иметь намерения познакомить с ним русских читателей; я просто хотел рассказать им по-русски ту повесть, которая пленила меня в рассказе Рюккерта, хотел сам насладиться трудом поэтическим, стараясь найти в языке моем выражения для той девственной, первообразной красоты, которою полна Индийская повесть о Нале и Дамаянти. Вот что говорит А.-В. Шлегель об этом отрывке: «По моему мнению, эта поэма не уступает никакой из древних и новых в красоте поэтической, в увлекательности страстей, в возвышенной нежности чувств и мыслей. Прелесть ее доступна всякому читателю, молодому и старику, знатоку искусства и необразованному, руководствующемуся одним естественным чувством. Повесть о Нале и Дамаянти есть самая любимая из народных повестей в Индии, где верность и героическое самоотвержение Дамаянти так же известны всем и каждому, как у нас постоянство Пенелопы».

И скрылось все... когда же я очнулся,
Уж царствовала ночь и над долиной
Горели звезды; но в моей душе
Был светлый день; я чувствовал, что в ней
Свершилось как будто откровенье
Всего прекрасного, в одно живое
Лицо слиянного. – И вдруг мой сон
Переменился: я себя увидел
В царевом доме, и лицом к лицу
Предстало мне души моей виденье;
И мнилось мне, что годы пролетели
Мгновеньем надо мной, оставив мне
Воспоминание каких-то светлых
Времен, чего-то чудного, какой-то
Волшебной жизни. – И мой сон
Опять переменился: я увидел
Себя на берегу реки широкой;
Садилось солнце; тихо по водам
Суда, сияя, плыли, и за ними
Серебряный тянулся след; вблизи
В кустах светился домик; на пороге
Его дверей хозяйка молодая
С младенцем спящим на руках стояла...
И то была моя жена с моею
Малюткой дочерью... и я проснулся;
И милый сон мой стал блаженной былью.
И ныне тихо, без волненья льется
Поток моей уединенной жизни.
Смотря в лицо подруги, данной богом
На освящение сердца моего,
Смотря, как спит сном ангела на лоне
У матери младенец мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тот покой,
Которого так жадно здесь мы ищем,
Не находя нигде; и слышу голос,
Земные все смиряющий тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Он говорит мне, веруй в бога, веруй
В меня. Мне было суждено своею
Рукой на двух родных, земной судьбиной
Разрозненных могилах те слова
Спасителя святые написать;
И вот теперь, на вечере моем,
Рука жены и дочери рука
Еще на легкой жизненной странице
Их пишут для меня, дабы потом
На гробовой гостеприимный камень
Перенести в успокоенье скорби,
В воспоминание земного счастья,

В вознаграждение любви земная
И жизни вечная на упование.
И в тихий мой приют, от всех забот
Житейского живой оградой сада
Отгороженный, друг минувших лет,
Поэзия ко мне порой приходит
Рассказами досуг мой веселить.
И жив в моей душе тот светлый образ,
Который так ее очаровал
Во время оно... Часто на краю
Небес, когда уж солнце село, видим
Мы облака; из-за пурпурных ярко
Выглядывают золотые, светлым
Вершинам гор подобные; и видит
Воображение там как будто область
Иного мира. Так теперь созданием
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежит вдали минувшее мое;
И мнится мне, что благодатный образ,
Мной встреченный на жизненном пути,
По-прежнему оттуда мне сияет.
Но он уж не один, их два; и прежний
В короне, а другой в венке живом
Из белых роз, и с прежним сходен он,
Как расцветающий с расцветшим цветом;
И на меня он светлый взор склоняет
С такою же приветною улыбкой,
Как тот, когда его во сне я встретил.
И имя им одно. И ныне я
Тем милым именем последний цвет,
Поэзией мне данный, знаменую
В воспоминание всего, что было
Сокровищем тех светлых жизни лет
И что теперь так сладостно чарует
Покой моей обвечеревшей жизни.

Дюссельдорф, 16/28 февраля 1843.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Жил-был в Индии царь, по имени Наль. Виразены
Сильного сын, обладатель царства Нишадского, этот
Наль был славен делами, во младости мудр и прекрасен
Так, что в целом свете царя, подобного Налью,
Не было, нет и не будет; между другими царями
Он сиял, как сияет солнце между звездами.
Крепкий мышцею, светлый разумом, чтитель смиренный
Мудрых духовных мужей, глубоко проникнувший в тайный
Смысл писаний священных, жертв сожигатель усердный
В храмах богов, вожелений своих обуздатель, нечистым
Помыслам чуждый, любовь и тайная дума
Дев, гроза и ужас врагов, друзей упование,
Опытный в трудной военной науке, искусный и смелый
Вождь, из лука дивный стрелок, наипаче же славный
Чудным искусством править конями – на них же он в сутки
Мог сто миль проскакать, – таков был Наль; но и слабость
Также имел он великую: в кости играть был безмерно
Страстен. – В это же время владел Видарбинским обширным
Царством Бима, царь благодушный; он долго бездетен
Был и тяжело скорбел от того, и обет пред богами
Он произнес великий, чтоб боги его наградили
Сладким родительским счастьем; и боги ему даровали
Трех сыновей и дочь. Сыновья назывались: первый
Дамас, Дантас другой и Даманас третий; а имя
Дочери было дано Дамаянти. Мальчики были
Живы и смелы; звездой красоты расцвела Дамаянти
Прелесть ее прошла по земле чудесной молвою.
В доме отца, окруженная роем подружек, как будто
Свежим венком, сияла меж них Дамаянти, как роза
В пышной зелени листьев сияет, и в этом собранье
Дев сверкала, как молния в туче небесной. Ни в здешнем
Свете, ни в мире бесплотных духов, ни в стране, где святые
Боги живут, никогда подобной красоты не видали;
Очи ее могли бы привлечь и бессмертных на землю
С неба. Но как ни была Дамаянти прекрасна, не мене
Был прекрасен и Наль, подобный пламенно-нежной
Думе любви, облекшейся в образ телесный. И каждый
Час о великом царе Нишадской земли Дамаянти
Слышала, каждый час о звезде красоты благородный
Царь Нишадский слышал; и цвет любви из живого
Семени слов меж ними, друг друга не знавшими, скоро
Вырос. Однажды Наль, безымянной болезнью сердца
Мучимый, в роще задумчив гулял; и вдруг он увидел

В воздухе белых гусей; распустив златоперые крылья,
Стаей летели они, и громко кричали, и в рощу
Шумно спустились. Проворной рукой за крыло золотое
Наль схватил одного. Но ему сказал человеческим
Голосом Гусь: «Отпусти ты меня, государь, я за это
Службу тебе сослужу: о тебе Дамаянти прекрасной
Слово такое при случае молвлю, что только и будет
Думать она о Нале одном». То услыша, поспешно
Наль отпустил золотого Гуся. Вся стая помчалась
Прямо в Видарбу и там опустилася с криком на царский
Луг, на котором в тот час Дамаянти гуляла. Увидев
Чудных птиц, начала Дамаянти с подружками бегать
Вслед за ними; а гуси, с места на место порхая,
Все рассыпались по лугу; с ними рассыпались так же
Скоро и все подружки царевнины: вот Дамаянти
С гусем одним осталась одна; и Гусь, приосанясь,
Вдруг сказал человеческим голосом ей: «Дамаянти,
В царстве Нишадском царствует Наль; и нет и не будет
Между людьми красавца такого. Когда бы его ты женою
Стала, то счастье твое вполне б совершилось; какой бы
Плод родился от союза с его красотою могучей
Нежной твоей красоты. Вас друг для друга послали
Боги на землю. Поверь тому, что тебе говорю я,
О тихонравная, сладко-приветная, чистая дева!
Много мы в странствиях наших лугов человеческих, много
Райских обителей неба видали; в стране великанов
Также нам быть довелось: но доныне еще, Дамаянти,
Встретить подобного Налю царя нам нигде не случилось:
Ты жемчужина дев, а Наль – мужей драгоценный
Камень. О, если бы вы сочетались! тогда бы узрели
Мы на земле неземное». Так Гусь говорил. Дамаянти,
Слушая, радостно рдела; потом в ответ прошептала,
Вся побледнев от любви: Скажи ты то же и Налю.
Быстро, быстро поднялся он, дважды рожденный, сначала
В виде яйца, потом из яйца, и в Нишадское царство
Прямо помчался и там рассказал о случившемся Налю.

2

После того, что сказал ей Гусь золотой, Дамаянти,
Словно как будто с собою расставшись, была беспрестанно
С Налем прекрасным. Объятая тайною думой, влачась
Шаткой, неверной стопою, как будто в каком расслабенье,
То подымая к небу грустные очи, то в землю
Их потупляя, то с полною тяжкими вздохами грудью —
Временем щеки как жар, временем бледные, очи
Полные слез, засохшие губы и все в беспорядке
Мысли, как волосы, — день и ночь Дамаянти вздыхала
Слабая, томная; не было ей ни сна на постели,
Ниже покоя на месте ином; и, тая в болезни,
Пищи она, ни питья принимать не хотела. Подружкам
Скоро стало заметно, что с их царевной прекрасной
Что-то случилось недоброе; скоро достигнул печальный
Слух и до Бимы-царя, что дочь его Дамаянти
Свой покой потеряла. Как скоро об этом проведал
Царь, то он весьма опечалился. «Видно, настало
Время любви для тебя, моя Дамаянти», — сказал он.
Вот и задумал Бима дать пир, чтоб отвсюду на выбор
Съехались к ней женихи. Гонцов разослал он по разным
Царствам индейским: царей приглашать на праздник в Видарбу.
Только к царям и царевичам весть об этом достигла,
Все снарядились в путь; с востока и запада быстрый,
Шумный поток пути наводнил, наполняя всю землю
Смутным гулом слонов, коней, колесниц и до неба
Пыль густую подъемля. Сияя богатством уборов,
Множеством ратников, блеском оружия, пышностью броней,
Съехались гости в Видарбу; торжественно встретил их Бима.
В это время странствовать вышел глава и светило
Всех отшельников, праведный старец Нерада; избранный
Спутник его был Первата блаженный. Из пыльного мира
Темных гробов проникнул он в царство небесного света,
В оный предел, где сад веселий цветет, где великий
Властвует Индра. В светло-воздушные сени вступили
Оба странника; их приветствовал радостно Индра;
Им поклонясь и воздав им обоим приличную почесть,
Царь небесная тверди спросил гостей о здоровье
Их и целого света. «Владыка, — с поклоном Нерада
Индре ответствовал, — божеской милостью вашей здоровы
Мы, и весь свет наш здоров: благоденствуют люди и звери;
В каждой пылинке и в каждой былинке жизнь и веселье».
Слыша такой ответ Нерады, могучий правитель
Мира спросил: «Но где же мои любимцы, кровавых
Споров решители, крови своей проливатели в битвах,
Смерти презрители, храбрые мира защитники? Ими
Светлую область мою населять я люблю; но напрасно

Жду я на пир мой желанных гостей, не приходят
Гости мои уж давно. Скажи мне, святой, что случилось
С племенем храбрых?» На это отвечивал Индре Нерада:
«Я объясню, всемогущий, тебе, отчего так давно ты
Здесь никого не видишь из храбрых вождей: Дамаянти,
Дочь царя видарбинского Бимы, которой на свете
Нет ничего подобного, хочет по сердцу супруга
Выбрать, и все цари и царики едут в Видарбу;
Всякая ссора забыта, и вот почему так спокойна
Стала земля, почему и в твою светозарную область
Гости давно не приходят». Покуда их длилась беседа,
Прибыли к Индре его соучастники в миродержавстве —
Агнис, властитель огня, Варуна, воды повелитель,
Яма, бог-земледержец. Услышав сказанье Нерады,
Боги воскликнули с светлым лицом: «На выборе этом
Будем и мы». И на быстрых конях, предводимые Индрой,
Боги пустились в Видарбу, куда все цари собирались.
Тою порою и Наль, любовью сгорая, лишь только
Сведal о съезде великом в Видарбе, на быстрых
Крыльях желанья помчался; нужды в конях не имел он.
Боги, спустясь с высоты, на дороге увидели Наля:
Был красотою он светел, как день; и боги, пленясь
Той красотою, на него с изумленьем смотрели; четыре
Стихий властителя, в воздухе свой полет удержавши,
Вот что сказали: «Здравствуй, нишадец, войск истребитель,
Наль Пуньялока. Хочешь ли нам оказать ты услугу?
Нашим послом полномочным иди отсюда в Видарбу».

3

Все исполню, – отвечивал Наль; и, руки сложивши
В страхе невольном, с видом покорным спросил он их: – Кто вы,
Солнечным блеском одетые? С вестью какой повелите
Мне в Видарбу идти? Ему отвечивал Индра:
«Знай, что мы боги бессмертные, спешшие в мир для прекрасной
Дочери Бимы-царя Дамаянти, к которой отвсюду
Сходятся ныне земные цари; я Индра, властитель
Воздуха; это Агннс, огня повелитель могучий;
Это Варуна, двигатель вод, а эго великий
Тверди земной основатель Яма. Знай же, что ныне
Наш ты посол, и вот что ты должен сказать Дамаянти:
"Ведай, царица, что боги стихий – бог воздуха Индра,
Агнис огня, Варуна воды и Яма земли – к нам
С неба сошли, чтоб из них одного избрала ты в супруги!»
Руки сжав с умилением, Наль отвечивал Индре:
«Сам я за тем же в Видарбу иду; от других невозможно
Быть мне послом к Дамаянти; молю, от такого посольства,
Боги, избавьте меня». На то отвечивал Индра:
«Разве не ты, благородный нишадец, сказал нам: исполню?
Можешь ли слово нарушить? Иди ж и не смей отрицаться».
Наль отвечал с замешательством: «Как же дойду я к царице?
Входы все заперты крепкою стражей». – «О том не заботься, —
Боги сказали, – дойдешь свободно, иди без боязни».
Наль пошел, покоряся без ропота воле бессмертных.
Он во дворец свободно проникнул и там Дамаянти
Скоро увидел в кругу подружек; как с неба слетевший
Ангел, она прекрасна была, и прелесть любви окружала
Нежные члены ее, вожденье любви пробуждая
В каждом сердце; и месяц и солнце не столь утешали
Светом своим, как ее пленительно-девственный образ.
Муку любви почувствовал Наль при виде волшебном
Стройного стана ее; но он пересилил стремленье
Силы мучительной. Все подружки царицы вскочили
С мест, изумленные входом нечаянным Наля; прекрасный
Образ его поразил их так, что им показалось
Небо отверстым. Не смея его спросить, меж собою
Тихо шептались они, повторяя: откуда пришел он?
Кто он? какой он породы? райской? земной? исполинской?
Так вопрошали друг друга они, ослепленные блеском
Наля, очей на него поднять не смея (столь боги
Прелесть его, уж и так неземную, блеском небесным
Вдруг возвеличили). В это мгновенье пред ним Дамаянти
С сердцевластительным взором, с улыбкой, чарующей душу,
Молча стояла, молча глядела и таяла тайным
Пламенем. «Кто ты? – она напоследок спросила. —
Кто ты, все озаряющий, прелестью дышащий, душу

Радостной мукой объемлющий? Как ты проникнул в обитель
Царской дочери, всем затворенную, мимо царевой
Стражи, никем не замеченный? Кто ты? Какое ты носишь
Имя?» На этот вопрос видарбинской прекрасной царевны
Наль отвечивал: «Знай, Дамаянти, я Наль; я в Видарбу
Прислан, царевна, тебя известить, что великие боги
Индра, Агнис, Варуна и Яма спустились на землю
С неба затем, чтоб из них одного избрала ты в супруги.
Их могуществом мог и сюда неприметно пройти я;
Зная теперь, зачем я здесь, видарбинская дева,
Сделай сама, что найдешь для себя и благим и приличным».

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Весть такую услышав, сначала богам Дамаянти
Сердцем смиренным свою принесла благодарность; с улыбкой
Налю сказала потом: «Не боги, а ты мой избранный
Светлый жених; я твоя, и все, чем я обладаю,
Все, что люблю я, каждое явное, тайное чувство
Сердца, все мысли, желанья и жизнь, и все, мой прекрасный
Царь, владыка души, твое без остатка. Что белый
Гусь мне сказал, то сердце мое сокрушило; и были
Все цари и царевичи созваны мною на выбор
Только затем, чтоб привлечь и тебя; но ты уж заране
Избран; отдаться тебе поклялась я, и был ты
Здесь уж давно ожидаем; но только совсем для иного.
Сватайся ж сам за меня; тебе неприлично являться
Здесь послом от других; и знай, что если тобою
Буду отвергнута я, от которой приемлешь ты ныне
Почесть такую, то все мне смертию будет: вода ли
Яд ли, огонь ли, веревка ли, все мне равно; нестерпимо
Женскому сердцу в любви безответно признаться». На это
Наль видарбинской царевне отвечивал: «Как же ты можешь
Вечным богам предпочесть обреченного смерти? Как можешь
С теми, от коих жизнь истекает, кем держится зданье
Мира, ставить меня наряду, недостойного с прахом
Ног их сравниться? Идущий против воли бессмертных
Смерти навстречу идет. О пленительно стройная дева!
Будь мне спасеньем, избравши небесное вместо земного.
Легкость чистых, беспыльно-эфирных одежд, неземные
Перлы, венки и повязки богов предпочти и блаженствуй.
Что желанней тебе? Благовонный ли воздух? Огня ли
Жертвенный пыл? Живая ли влага воды? Иль твердыня
Вечной земли? Один, лазурно-воздушным пространством
Мир объемля, движеньем и светом его наполняет;
Искрою в каждой пылинке таяся, другой проникает
Все, разрушая тела и духу даруя свободу;
Третий, кристальною цепию землю обвив и на зыбком
Пухе воды отдыхая, жемчужные нити вплетает
В кудри свои; четвертый дает живущему место,
Мертвому пристань и все созданье на суд собирает —
Вот твои женихи, Дамаянти; богам ли бессмертным
Ты откажешь? Не делай того, послушайся друга».
С трепетом сердца и влагой печали затмивши сиянье
Светлых очей, отвечала ему Дамаянти: «Всесильны
Вечные боги; я чту их всем сердцем и им поклоняюсь
С верой; но ты мой жених; ты избран любовью; этой

Правды скрывать не хочу я». Так говоря, Дамаянти
Очи стыдливо склонила и руки прижала к дрожащим
Девственно чистым грудям с умоляющим видом. Вздохнувши,
Наль отвечал: «Не забудь, Дамаянти, что я пред тобою
В сане посла, нарушу ль святую доверенность? Буду ль
Ныне просить для себя того, что строго велит мне
Должность просить для других? Наступит мой час, и без страха
Стану за право свое. Ты сама об этом размысли,
Радость очей, видарбинская роза». Вздых утаивши,
Тихо в ответ Дамаянти шепнула: «О, друг, мы согласны
В мыслях; ты путь прямой избери, чтоб упрека и тени
Пасть на тебя не могло. Приходи же, о ты, украшеньё
Смертных людей, с богами ко мне на торжественный выбор;
Там, в присутствии сильных властителей мира, тебя я
Выберу, царь благородный, тогда и ты пред богами
Правым и чистым останешься». Этот ответ видарбинской
Девы принявши, Наль возвратился в то место, где были
Собраны боги. Посла своего издалека увидя,
Миродержавцы спросили его с живым любопытством:
«Что ты скажешь? Какой ответ нам принес от царевны?»
Наль сказал: «Посланником вашим проник я в жилище
Царской дочери, мимо стражей, невидимый стражам,
Видимый только царевне одной; конечно, то было
Так устроено вашею властью; с царевной нашел я
Много подруг; они вскочили, меня испугавшись;
Но Дамаянти, прекрасный светло-смеющийся месяц,
В то мгновенье, как вашу волю, бессмертные боги,
Я объявлял ей, меня самого в затмение рассудка
Выбрала. Вот что сказала в ответ мне царевна: «Пусть придут
Боги вместе с тобою ко мне на торжественный выбор;
Там, в присутствии сильных властителей мира, тебя я
Выберу, царь благородный; тогда и ты пред богами
Правым и чистым останешься». Ваша воля святая
Мною исполнена, вечные боги; теперь, умоляю,
Должность посла снимите с меня и свободу мне дайте».

2

Вот с наступлением дня пригласил царь Бима на выбор
Всех своих знаменитых гостей. Собралися в обширной
Царской палате цари и царевичи; взоры их жаркой
Жаждой любви пламенели; они прошли сквозь златые
Своды высоких дверей, как львы сквозь расселину; в блеске
Свежих душистых венков, в серьгах драгоценных сидели
Там величавые гости на пышных, упругих подушках;
Тесно их сонмище было, как львиная грива густая:
Полная ж ими палата казалась разинутым зевом
Тигра, полным зубов. И было тут чем любоваться:
Крепкие бедра, как будто столбы, литые из меди,
Сильные мышцы и плечи, как будто могучие дубы,
С гибкими пальцами руки, как змеи с пятью головами
Гордые шеи, светлым гранитным зубцам на вершинах
Горных подобные, в блеске прекрасных, весельем горящих
Лиц, и пышных волос, и высоких бровей, и огнистых
Глаз. И в собрание гостей вошла Дамаянти, чтоб ум их
Взглядом одним помутить, чтоб глаза и сердца их опутать
Сетью любви. И все к ней очами прильнули, как птицы
К клейкой охотничьей жерди. Долго кругом Дамаянти
Взор свой водила; но тот, кто один был и в сердце и в мыслях,
Ей не являлся. Вдруг видит царица пять одинаких
Образов; были они перед нею; то к ней приближались,
То от нее отходили; и каждый ей представлялся
Налем, как скоро глаза на него она обращала;
Мысли ее помутились. Она подумала: «Что мне
Делать? Как четырех богов отличу я от Наля?»
Взоры ее напрасно божественных знаков искали.
«Знаков, о коих дошли к нам издревле сказанья, не носит
Здесь на себе ни один из видимых мною», – царица
Думала. Вот наконец, по долгом с собой размышленьи,
Так решила она: «К богам подойду я с молитвой;
Боги молитвы моей не отринут». И с верой смиренной,
Руки сложив и к грудям богомольно прижав их, царица
Так сказала: «Боги бессмертные, боги святые,
Мною избранного, сердцем желанного мне покажите;
Если пред вами я делом и мыслию правду хранила,
Если молюся вам с теплою верою, если вы сами
Мне, уж избранного мною самою, в супруги избрали,
Если его я любить поклялася и если должны быть
Клятвы священны, то мне вы его покажите, благие
Боги, и знаки свои мне откройте, чтоб вас я почтила».
Столь сердечную жалобу слыша из уст Дамаянти,
Видя ее чистоту, и любовь, и покорность их воле,
Видя правдивость ее, и кроткое сердце, и светлый
Ум, согласились немедля ее желанье исполнить

Боги и приняли знаки свои. Тогда Дамаянти
Их мгновенье узнала по зорко-спокойному оку,
Лицам беспотным, светло-нетленным венкам, недоступным
Пыли белым одеждам, бестенному телу и дивной
Легкости быстрых движений, с какою они перед нею
Веяли с места на место, земли не касаясь ногами.
Рядом с ними, полутененный, в венке уж завядшем,
Пылью и потом покрытый, стоял на земле с помраченным,
Грустно потупленным взором задумчивый Наль. Дамаянти
Вызвала тотчас его из середины бессмертных и выбор
Свой изъявила обычным обрядом, смиренно коснувшись
Края одежды его и на кудри его наложивши
Свой душисто-блестящий венок. Совершился великий
Выбор; со всех сторон раздались торжественно клики;
Все цари и царевицы, мужи святые и боги,
Выбор одоблив, воскликнули: Слава! счастливому Налью.
Он же, полный блаженства любви, своей нареченной,
Робко краснеющей, очи склонившей, дрожащей невесте
Так сказал с трепетанием сердца, но голосом твердым:
«Если могла при бессмертных богах ты смертного мужа
Так почтить, Дамаянти, то слушай: тебя я
Сам пред людьми и богами своею женой именую,
Весь на целую жизнь отдаюся тебе, и доколе
Будет дух жизни в теле моем, дотолеч, о дева,
Роза Видарбы, я буду твоим; мое обещанье
С верой прими, на меня положишь; отныне тебя я
Буду питать, защищать, и чтить, и хранить, и останусь
Верен тебе всегда, во всем, и словом и делом,
Радость и горе, богатство, и бедность, и все неизменно
В жизни с тобой разделяя». Обет такой произнеся,
Светлый жених перед всеми своей лучезарной невесте
Дал целомудренно первый любви поцелуй; и друг другом
Долго в блаженстве немом любовались они; напоследок,
Вспомнив, что боги близко, и царь и царица пред ними
Пали с молитвой; и боги скрепили своей благодатью
Брак их; податели всякого блага, они даровали
Налью четыре великие силы: могучий властитель
Воздуха дал ему зоркость очей с способностью в каждом
Месте простор находить и везде освежаться прохладой
Бог огня даровал обладанье огнем и возможность
Видеть без ужаса блеск мирозданья; правитель земных
Тверди дал твердую поступь, чтоб был для него безопасен
Всякий путь по земле, и тонкий вкус для разбора
Пищи; владыка воды наградил могуществом воду
Всюду творить и цветы рождать единым желаньем.
Так одаривши царя, и царицу все четверо вместе
Дали одно обещанье: что брака их радостью будут
Сын, как отец, и дочь, как мать, прекрасные. Милость
Им изъявивши такую, боги сокрылись; за ними

Вслед и цари и царевици, выбор невесты одоблив,
В путь обратный пустились. Царь Бима, увидя, что схлынул
Этот прилив гостей, устроил свадебный праздник.
Наль, сочетавшись с своею царевною, пробыл в Видарбе
Первые дни в веселье и в радости сладкой; потом он
В царство свое, блаженный, прославленный, с милой женою,
Честию жен, звездой красоты и любви, возвратился.
Там в благовонных рощах, в роскошных царских палатах
Он благоденствовал, тихо и сладостно каплю за каплей
Жизни из чаши одной выпивая с ней вместе, вкушая
Мир и свободу, в молитве, в забавах, в труде и покое,
Правду творя и на счастье народном свое утверждая.

3

Боги, покинув Видарбу и в небо свое возвращаясь,
Встретили адского бога Кали. Провожаем Двепарой,
Странствовал он по земле. «Куда направляешь ты путь свой?» —
Индра спросил. «В Видарбу, — Кали отвечал. — Дамаянти
Будет моею женою; мне в мысли пришло, что я должен
Ею быть выбран». С улыбкой отвечивал Индра: «Уж выбор
Сделан; ты опоздал; при нас она поклялася
В верности Налю». Кали, услышав от Индры такую
Весть, воскликнул в кипении гнева: «Когда Дамаянти
Смертного мужа посмела богам предпочесть, то над нею
Страшно должна отмщена быть такая обида». На это
Боги света мрачным богам отвечали: «По воле
Нашей выбор свершился в Видарбе; и млад и прекрасен
Наль лишь одною б лишенною смысла он мог быть не избран,
Он, непорочный, уставов святых постоянный блюститель,
Книг духовных внимательный чтец, своим правосудно
Правящий царством; он, у которого в доме усердно
Приняты с почестью, с сладко-душистыми жертвами боги;
Он, правдивый, твердый и кроткий, людьми и богами
Чтимый; он, строгий обетов хранитель, он, одаренный
Набожным сердцем, великой душою, смиреньем и силой;
Он, в котором терпенье, умеренность, благость в единый
Образ божественной прелести слиты... Кали, кто враждует
С праведным Налем, тот скройся в пропасти ада, на муку
Вечную». Так отвечав, удалились боги на небо.
Видя богов удалившихся, с злобной усмешкой Двепаре
Молвил Кали: «Не прощу никогда я обиды; теперь же
В Наля вселюсь, чтоб его, ненавистного, ввергнуть в погибель;
Ты же, Двепара (ведь знаем давно мы, какой он горячий
В кости игрок), поселился в костях и будь мне помощник».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

С замыслом злобным своим притаился в обители царской
Наль коварный Кали. Он все выжидал, чтоб удобный
Случай открылся ему совершить предприятное; шесть лет
Ждал он напрасно; в седьмой год предстал наконец благосклонный
Случай: ко сну отходя, позабыл совершить очищенье
Царь, и в тело нечистое дух нечистый вселился.
В сердце Наль проникнул Кали, и святое жилище
Мирной невинности сделалось мутно от злых помышлений
Был у Наль сводный брат Пушкира. Далеко
Жил он в своем городке, небогатым участком довольный;
Хитрый Кали, овладевши сердцем смиренного Наль,
Вот что сказал в сновиденье Пушкира: «Возьми ты скорее
Кости, и к Налью иди, и игру о царстве Нишадском
С ним заведи, и будет твоим Нишадское царство;
Весь проиграется Наль». Пушкира, прельщенный нечистым
Духом, взял кости, в которых уже скрывался Двепара,
К Налью явился и вызвал его на игру; загорелся
Бешеной страстью Наль, запрыгали кости, и смертный
Бой начался; и царь, как безумный, ставил на кости
Все: драгоценные камни, золото, утварь, одежды.
Замки и земли, и все, одно за другим, ослепленный
Хитрым врагом, он проигрывал. Тщетно его Дамаянти
Бросить игру умоляла; ее он не слушал. Смутились
Все приближенные, все вельможи, весь двор, все граждане;
Вот Дамаянти слышит, что все они собрались
В царском дворце, чтоб царю объявить, как сильно тревожит
Их злосудное такое; и в горьких слезах Дамаянти
Так сказала царю: «В твоей обители весь твой
Верный нишадский народ собрался, и ждет, и желает
Светлые очи увидеть твои; покажися, ответствуй
Им на любовь их вниманием царским». И слезы бежали
Быстро из глаз Дамаянти, но царь не внимал ей, враждебной
Силою мрачного духа объятый. И двор и граждане,
Видя, что Наль их моления отверг, разошлись, помышляя
С горем глубоким и тяжким стыдом: он боле не царь нам!
Кости же тою порой как живые летали; все жарче
Бой разгорался, и царь проигрывал с каждым ударом.

2

Видя, что муж от игры был совсем без ума, Дамаянти
Стала думать о том, каким бы средством от близкой,
Им обоим грозящей беды защититься; но трудным
Ей показалось спасенье; безумный Наль поминутно
Область за областью брату проигрывал. Вот Дамаянти
С горем сказала кормилице старой своей Врихазене,
Чтимой всеми в доме царевом, советнице умной:
«Друг мой, кормилица, слушай; ко мне собери поскорее
Всех советников царских; мне должно с ними исчислить,
Сколько богатства проиграно, что еще нам осталось».
Вот собрались советники; их повела Дамаянти
К Налью, который играл беспробудно. К нему приступила
С ними царица и, плача, выслушать их умоляла.
Но очарованный Наль был глух, и слеп, и бесчувствен;
Он не взглянул на нее, не сказал ей ни слова,
Все продолжал по-прежнему с братом играть и стоявших
В горе и страхе пред ним вельмож не приметил. Утратив
Всю надежду, они с содроганьем оставили царский
Дом. Царица же долго в лицо безумному Налью
С страхом смертельным смотрела; а между тем роковые,
Налью враждебные, брагу его благосклонные кости
Стуком своим беспрестанным и пуще ее ужасали.
«Слушай, кормилица (так, наконец, Дамаянти сказала
Верной своей Врихазене), беда наступила; скорее
Кликни Варшнею, правителя коней царевых». Когда же
К ней явился Варшнея, устами, сладчайшими меда,
Вот что ему Дамаянти сказала: «Варшнея, спутник
Верный царя, послужи ему и теперь в наступившем
Бедствии: видишь, что каждый проигрыш с новой
Силой в нем страсть к игре разжигает, что кости как будто
Против него заодно с Пушкарой; мой царь обезумлен
Духом враждебным; забыл о народе, о ближних, не внемлет
Даже и мне; всему причиною кости; в них скрыта
Адская сила, а сам он невинен. Послушай, мой добрый,
Верный Варшнея, исполни мое повеленье: всечасно
Жду со страхом и трепетом я, что царь мой погибнет,
Все проиграв; но еще не проиграны царские кони
Быстролетучие; сядь в колесницу его и немедля,
Прежде чем наша погибель вполне совершилась, в Видарбу
К Биме, отцу моему, детей отвези; поклонися
Сродникам всем и знакомым моим; когда же отдашь ты
Все, и сироток моих и царских коней с колесницей,
Биме, тогда ты будешь волен иль остаться в Видарбе
Или идти в иную какую землю, куда ты
Сам пожелаешь». Варшнея, верный правитель царевых
Коней, выслушав то, что ему Дамаянти сказала,

Созвал советников царских; когда же и те согласились
С умным желаньем царицы, то, взяв детей, он поехал
С ними в Видарбу. Там, снявши детей с колесницы,
Отдал их Биме, потом родным и знакомым царицы
Всем от нее поклонился, потом, печалимый тяжкой
Участью Наля, пошел в свой путь и, в Айоду пришедши,
В службу вступил к царю Ритуперну правителем коней.

3

Был уж далеко Варшнея, когда у несчастного Наля
Выиграл злой Пушкара все царство. С насмешкою колкой
Брату сказал он: «Ты весь проигрался; посмотрим,
Что ты теперь поставишь на кости; одна Дамаянти
Только и есть у тебя; твое же добро остальное
Все мое; отведаем счастья. Чьею женою
Быть должна Дамаянти, твоею или моею?»
Это услышав, Наль содрогнулся, вздохнул и ни слова

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.